

- ²² Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. Указ. соч. С. 11.
- ²³ См.: Пирогова Е. П. Библиотека саратовского губернатора А. А. Зубова в Италии // «Когда б я был царь...»: материалы Михайловских Пушкинских чтений. Художник и власть (21–25 авг. 2013 г.) и научно-практических

чтений «Библиотека в усадьбе» «...На их полях она встречается / Черты его карандаша...» (23–27 апреля 2014 года): [сб. ст.]. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2014. С. 312–324.

²⁴ РГИА Ф. 1405. Оп. 94. Д. 10895. Л. 2 об.

²⁵ Там же. Л. 3.

УДК 94(470+571)«1877/1878»:347.781.52

«...ПЕЧАТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ ПРЕДСТАВЛЯЕТ РЕДКОЕ ЕДИНОДУШИЕ...» (военная пресса о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.)

С. А. Кочуков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается освещение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах специальных военных периодических изданий. Привлечены многочисленные источники, которые характеризуют позицию русской прессы. Даются оценки ряда журналов: «Военный Сборник», «Морской Сборник», «Русский инвалид», «Артиллерийский журнал». Показано сотрудничество военной прессы с «гражданскими» журналами и газетами, но в то же время выявлены различия в способе изложения информации о военном конфликте.

Ключевые слова: Балканский полуостров, периодические издания, русская армия, Русско-турецкая война, общественное мнение, корреспонденты.

«...The Press, Concerning the Slavic Question, Show Rare Unanimity...» (the Military Press on the Russian-Turkish War of 1877–1878)

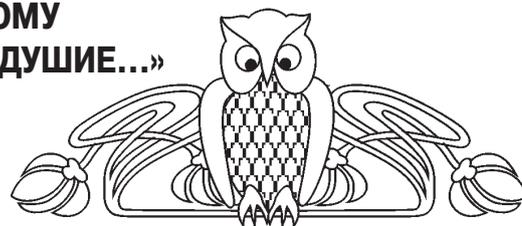
S. A. Kochukov

The article deals with depicting the Russian-Turkish war of 1877–1878 on the pages of the special military periodicals. The author uses a lot of sources that characterize the position of the Russian press. Estimates of a number of journals – «Military Collection», «Naval Collection», «Russian Invalid», «Artillery Journal» – are given. Cooperation between military press and «civil» magazines and newspapers is displayed, but at the same time, differences in the method of presenting information about the military conflict are shown.

Key words: Balkan peninsula, periodicals, Russian army, Russian-Turkish war, public opinion, correspondents.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-287-294

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. находила отражение не только в «гражданской» прессе, но и на страницах специальных военных периодических изданий. К началу вооруженного столкновения с Османской империей в России уже сформировался ряд периодических изданий, адресованных военным. Подобные издания имели

определенную специфику. Военные журналы и газеты выходили под эгидой Военного или Морского министерств, как, например, «Военный сборник» и «Морской сборник». А те периодические издания, которые были основаны частным порядком, «Русский инвалид», «Разведчик», «Чтение для солдат», «Листок конторы и склада Березовского», в конечном итоге получали достаточно весомую финансовую поддержку от того же военного ведомства. Все военные журналы и газеты, как правило, состояли из двух частей (разделов). В первой части помещались нормативно-распорядительные документы, а вторая часть была более информативна и, главное, интересна. Применительно к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на страницах военных периодических изданий помещались новости с театров боевых действий, характеристики противника и др.

Все материалы, помещенные в военной прессе, так или иначе являлись отражением позиции Военного и Морского министерств. Уже в силу этого обстоятельства на страницах русской военной периодики фактически не было разброса мнений по Балканскому вопросу. Особенностью военной периодики являлся тот факт, что к проблеме Балканского полуострова она обратилась сравнительно поздно, только с началом открытия военных действий на Дунае и Кавказе. В этом отношении единственным исключением из общего числа военных периодических изданий являлась газета «Русский инвалид».

Газета «Русский инвалид» была основана в 1813 г. выходцем из Лифляндии П. П. Помиан-Пезеровиусом. Цель ее издания заключалась в том, чтобы употребить все доходы от реализации «на пособия раненым воинам, их вдовам и сиротам»¹. Издание подобной газеты не вызвало у русского общества интереса – подписчиков первоначально было 12 человек². Однако после того как на газету обратили внимание члены царской семьи и пожертвовали на издание 1600 руб., отношение к «Русскому инвалиду» в русском обществе из-

менилось. Уже в 1814 г. газета выходит два раза в неделю, а с 1816 г. – ежедневно. С 1862 г. «Русский инвалид» становится официальной газетой Военного министерства, а в 1869 г. был присоединен к журналу «Военный сборник» и стал выходить под одной с ним редакцией.

К балканской проблеме газета «Русский инвалид» впервые обратилась в 1871 г., когда только разгорался очередной этап «балканской драмы», причем о самой поддержке славян или участии русских войск против вооруженных сил Турции речи не было. Тем не менее Османская Порта рассматривалась «Русским инвалидом» как вероятный противник. И исходя из этого русским офицерам, безусловно, было полезно знать, что собой представляли вооруженные силы Турции в 70-х гг. XIX в.³ Ни для кого не было секретом, что после Крымской войны Порты старалась реформировать свою армию, опираясь на опыт и техническую поддержку Англии и Франции.

По мнению газеты «Русский инвалид», Турция готовилась к войне против России, что было заметно из того, как администрация Порты не только перевооружала армию, но и начинала строительство железных дорог, которые имели, безусловно, стратегическое значение. Османская империя вынесла определенные уроки из Крымской войны, где одной из причин поражения России являлась плохая инфраструктура железнодорожных магистралей. В 1873 г. на страницах газеты напрямую указывалось: «Несмотря на финансовые затруднения, Порты не оставляет своего намерения присвоить государству управление существующими железными дорогами и постройку новых. Недавно турецкое правительство заключило с английской компанией условие, по которому последнее по истечении 16 лет поступит в распоряжение правительства»⁴.

Газета «Русский инвалид» была подвержена тем же иллюзиям, что и вся русская пресса. Незадолго до войны и с началом открытия боевых действий военная пресса чрезвычайно красочно со всеми возможными подробностями описывала угнетения несчастных славян и вообще всех подданных турецкого султаната, что, безусловно, способствовало эскалации напряженности общественного мнения России. Заметки о положении на Балканском полуострове, которые выходили на страницах «Русского инвалида», нельзя рассматривать как нечто особенное. Все достаточно типично для ситуации 70-х гг. XIX в. – в эмоциональной форме выраженные указания на постоянные угнетения славянского населения со стороны Османской империи: «Жишники сжигают и уничтожают все, что попадет им на пути; убивают мужчин, бесчестят женщин, словом, производят такие же злодеяния, как и в прошлом году. Неудивительно, что при таких обстоятельствах население смотрит на русских, как на своих избавителей»⁵. Таких заявлений на страницах газеты были сотни.

Газета опубликовала статью о лишениях не только христианского, но и мусульманского населения в лице черкесов. В публикации отмечалось: «Из разных частей Азиатской Турции слышатся сетования на судьбу переселившихся туда черкесов. Еще недавно они обращались к нашему послу в Константинополе, с просьбой позволить им, в числе 8500 семейств, переселиться в Россию. Излагая подробности своего действительно ужасного положения, они приводят знаменательные примеры жестокости их собственных беев и равнодушия к их жестокости турецких властей. Так, два черкеса со связанными руками были брошены живые в колодец, и все ходатайства родственников по этому вопиющему делу остались без последствий. Поборы с черкесского населения достигают половины его заработка и это еще в льготные годы, так как турецкое правительство даровало эмигрантам десятилетнюю свободу от податей, по крайней мере, не уравнило их в этом отношении с прочими своими подданными»⁶. Подобная информация, сообщенная «Русским инвалидом», оказалась чрезвычайно популярной в русской гражданской прессе.

«Русский инвалид», точно так же, как и большинство русских периодических изданий, в значительной степени формировал отношение русского общества к славянской проблеме на Балканском полуострове, рассказывая на своих страницах о реакции турецких властей на восстание сербов и болгар: «...в Болгарии продолжается господство ужаса. Учрежденные в некоторых местах комиссии для производства следствия и суда над виновниками смут, по-видимому, соперничают в усердии с башибузуками, которые далее продолжают безнаказанно совершать злодеяния. Можно подумать, что главная забота правительства заключается в том, чтобы вырезать по крайней мере десятую часть населения и истребить всех болгар, выдающихся из среды своих сограждан по уму и состоянию. В Филиппополе, например, было повешено 14 лучших граждан, обвинявшихся в участии в мятеже, и двое из них, священники, были казнены в облачении»⁷.

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в «Русском инвалиде» традиционно для всей русской прессы печатались материалы с фронтов, сухие сводки, интересные только для военных. Газета отстаивала идею, что борьба с турками должна быть делом общим для всех православных. Исходя из этого «Русский инвалид» постоянно помещал сообщения о комплектовании болгарских дружин, которые должны были оказывать русской армии посильную помощь. Хотя боевые качества подобных подразделений оставляли желать лучшего, на страницах военной прессы были представлены настоящие агитки, в которых расхваливались боевые качества и возможности болгарских дружин: «В состав этих дружин вошли люди, потерявшие у себя на родине все – дом, семью, и только успевшие сами кое-как спастись

от турецких тюрем и черкесских кинжалов. Россия приютила у себя на время этих несчастных беглецов, содержала их на государственном иждивении, а ныне снарядила и вооружила на средства частных жертвователей. Успех в формировании первых двух батальонов превзошел ожидания: понятливость, дисциплина, рвение и любовь к делу отличают всех этих болгар до последнего человека, а присутствие в их рядах в весьма внушительном количестве местного интеллигентного элемента уже заранее может служить залогом ожидаемой от них пользы»⁸.

В отличие от «Русского инвалида», который был создан в начале XIX в., уже в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был образован целый ряд периодических изданий, которые должны были функционировать только в период военной кампании – «Иллюстрированная хроника войны»⁹, «Обзор известий о русско-турецкой войне»¹⁰. Но настоящим событием стало открытие газеты «Летучий военный листок»¹¹. Особенность этого периодического издания заключалась в полноте изложения. Если «Иллюстрированная хроника войны» являлась, по сути, приложением к газете «Всемирная иллюстрация», а «Обзор известий о русско-турецкой войне» выходил всего два раза в месяц, то «Летучий военный листок» появлялся три раза в неделю. Одним из редакторов газеты являлся известный писатель и корреспондент В. М. Крестовский, участие которого в работе издания чрезвычайно оживило его. С начала Русско-турецкой войны Крестовский попал в штаб действующей Дунайской армии уже как редактор армейской газеты, следовательно, он был уже аккредитованным корреспондентом и черпал информацию «из первых рук». К тому же Всеволод Михайлович был лично знаком со многими высшими офицерами русской армии, в том числе и с генералом М. Д. Скобелевым, а также с рядом иностранных корреспондентов. Помимо традиционных армейских сводок, в «Летучем военном листке» постоянно публиковались материалы по истории Турции и стран Балканского полуострова, а также красочно описывались батальные сцены, состояние вооруженных сил Османской империи, история возникновения балканского конфликта¹².

Уже в самом первом своем номере издатель газеты определили задачи нового издания: «Начиная издание «Летучего листка»... мы (редакторы. – С. К.) вполне сознаем всю трудность исполнить удовлетворительно возложенное на нас дело, без самого широкого содействия лиц, принимавших участие в военных действиях. Считая его общим делом, – с искренней признательностью будем принимать каждое слово, малейшее заявление из армии. Подробности сражений, подвиги отдельных лиц, характеристика павшего боевого товарища, заметки о стране занятой армией – словом все, что так или иначе касается последней, – составить драгоценный материал, не

только для будущего историка настоящей войны, но и для воспоминания всех ее участников...»¹³

Рассматривая деятельность газеты «Летучий военный листок», необходимо отметить, что этот печатный орган являлся официальным, исходил от Действующей армии, и поэтому на страницах этого периодического издания выходило только то, что было согласовано с Главной квартирой. Это также относится и к позиции газеты по Балканскому вопросу: Русско-турецкая война рассматривалась в качестве освободительной миссии России на Балканском полуострове. Уже в первом номере «Летучего военного листка» была опубликована «Прокламация» за подписью Александра II, в которой обозначались цели и задачи России в войне с Турцией. Она была адресована христианскому населению и мусульманам Балкан. В этом документе указывалось: «Жители болгарского края! Задача России – созидать, а не разрушать. Она всевышним промыслом призвана согласить и умиротворить все народности и все исповедания в тех частях Болгарии, где совместно живут люди разного происхождения и разной веры. Отселе русское оружие оградит от всякого насилия каждого христианина: ни один волос ни спадет безнаказанно с его головы: ни одна крупица имущества не будет, без немедленного возмездия похищена у него мусульманином или кем другим... Одинаково будут обеспечены жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина, к какой бы церкви он не принадлежал. Но не месть будет руководить нами, а сознание строгой справедливости, стремление постепенно создать право и порядок там, где доселе господствовал лишь дикий произвол...»¹⁴

По сути, эта «Прокламация» являлись программой действий. Причем ориентированы они были не только на христианские народы Балканского полуострова. С одной стороны, это попытка обезопасить русские войска от партизанской войны со стороны мусульман, а с другой – показать, что русскому самодержцу не безразличны свои собственные мусульманские подданные. Кроме того, Россия, помимо Дунайского фронта, вела войну и на Кавказе, где количество нехристианских народов было весьма значительно.

Материалы «Летучего военного листка» были ориентированы на военную массу, поэтому простому обывателю было не особенно интересно читать эту газету. Но уже в начале 1878 г. газета была несколько изменена. Для расположения читателя основной упор был сделан на описание батальных сцен. Более того, авторами этих заметок были непосредственные участники боев, в результате чего корреспонденции шли в Россию как бы из первых рук. Ярким примером этого являются заметки генерала-майора Малахова, которые представлены в виде официальных донесений: «Считаю своей священной обязанностью донести вашему превосходительству, что войска вверенного мне отряда, утомленные двумя бес-

сонными ночами и усиленным семидесяти-верстовым переходом, с начала наступления, как бы переродились, быстро и неустрашимо рвались вперед, едва сдерживаемыми своими ближайшими начальниками, не обращая внимания на град неприятельских пуль; офицеры, подавая собою, пример храбрости и неустрашимости, находились непосредственно впереди своих частей и с полным хладнокровием руководили огнем и движением своих подчиненных»¹⁵.

Редакция «Летучего военного листка» также всячески отстаивала идею, что Россия в войне против Турции фактически ведет борьбу против очередной коалиции государств, точно так же, как и в Крымскую войну, только, по мнению В. М. Крестовского, в этот союз входили не только Англия и Франция, но и США. В газете была создана специальная рубрика «Телеграммы Летучего листка», в которой помещались любопытные материалы об отношении иностранных государств к войне между Россией и Турцией. Уже в первых номерах отмечалось, что Англия и США, несмотря на официальное невмешательство в Балканский конфликт, поддерживали Порту. Причем эта поддержка была не только дипломатического характера. В «Летучем военном листке» от 6 августа 1877 г. отмечалось: «Нью-Йорк 2/14 августа. Британский пароход отплыл 31-го июля (11 августа) из Нью-Гевена в Константинополь с грузом оружия и боевых припасов для Порты, стоимостью на миллион двести тысяч долларов»¹⁶. В продолжение темы 8 августа было заявлено: «Лондон. 1/13 августа. Газете “Таймс” пишут из Нью-Йорка, что там появились турецкие агенты, вербуемые рекрутов для турецкой армии между рабочими, оставшимися без работы...»¹⁷

Самый известный в России армейский журнал «Военный сборник» был создан по инициативе руководства Отдельного гвардейского корпуса. В отличие от «Русского инвалида», «Вестового» и «Чтения для солдат», программа журнала была гораздо масштабнее газетной. В «Докладной записке», которая была представлена военному министру Н. О. Сухозанету, назывались цели издания: «Доставить офицерам нашей армии за возможно дешевую цену полезное и занимательное чтение, возбудить в них любознательность и охоту к военному образованию; офицерам же, наиболее способным и знающим, дать средство сообщать свои знания через печать всем товарищам по оружию»¹⁸.

Журнал выходил с января 1858 г. Первыми его редакторами были подполковник В. М. Аничков, капитан Н. Н. Обручев, а литературный отдел возглавлял Н. Г. Чернышевский. В конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. «Военный сборник» в основном специализировался на публикации академических статей по тактике¹⁹.

На страницах «Военного сборника» невозможно обнаружить аксаковских рассуждений о русской исторической миссии на Балканском

полуострове, а также характеристики позиции русского общества относительно войны. Главное, на чем акцентировал внимание журнал, это описание боевых действий. Причем ход самой войны был расписан по дням и часам. По сути это было первое в российской прессе подробное описание войны. Это объясняется тем, что статьи писали сами военные, которые были далеки от славянофильских идей. Складывается впечатление, что авторам публикаций о Русско-турецкой войне было интересно, как русская армия после реформ 1860–1870 -х гг. будет решать поставленные вопросы на Дунайском и Кавказском театре военных действий.

Роднит материалы «Военного сборника» и основную массу русской периодики относительно Русско-турецкой войны стремление поскорее решить балканскую проблему. Затягивание объявления войны, так называемое «Кишиневское сидение», расслабляло армию. По этому поводу ведущее военное периодическое издание России отмечало: «Когда именно должно было последовать объявление войны и даже то, будет ли еще объявлена война, корпусному командиру известно не было...»²⁰

Русское общество желало знать, как развивались боевые действия на Дунае и Кавказе. Дело в том, что гражданские издания, хотя и доставляли информацию более оперативно, но делали это не совсем компетентно, а значительное число русских корреспондентов пользовалось непроверенными слухами при подготовке своих материалов к публикации. Совершенно другое дело «Военный сборник» – его информация, хотя и доходила в силу специфики до русского общества с опозданием, зато это были корреспонденции из официальных источников, и это обстоятельство в известной степени подкупало русское общественное мнение.

Главный недостаток, который ставили в вину «Военному сборнику», – это фактическое отсутствие анализа боевых действий, простая констатация факта. И из этого можно было сделать два вывода: либо журнал старался, чтобы читатели сами делали выводы из публикаций, либо сознательно замалчивались неудачи русской армии, что более вероятно. Недомолвки фактически сводили на нет все усилия «Военного сборника».

В «Военном сборнике» намечалась тенденция подробно изображать жизнь русских офицеров и солдат в походных условиях. Особенно это показательно при описании обороны Шипки или взятия Плевны. На страницах журнала так описывались бытовые условия одного из многочисленных ротных командиров: «Это конура (временная землянка. – С. К.), выбитая в камне, сверху была покрыта щебнем и землей, наваленной на тонкие жерди. Казалось, что они не только удара двухпудовой бомбы, но даже и лишней лопаты не могли бы выдержать. Не только от ядер, но даже и от дождя они не защищали»²¹.

К сожалению, «Военный сборник» фактически не рассматривал внешне- и внутривнутриполитическую ситуацию, в которой оказалась Россия в 70-х гг. XIX в. У читателя складывалось впечатление, что Турция в очередной раз напала на Россию, как она это делала на протяжении всего XVIII в., то есть являлась страной агрессором. Действия же России в апреле 1877 г. представлялись явлением вынужденным. Удивительно, но даже с событиями 1875–1876 гг. редакцией журнала не было проведено никаких исторических параллелей. Как будто не было восстаний в Болгарии, Сербии и Герцеговине.

С совершенно противоположных позиций рассматривал Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. старейший военный журнал России – «Морской сборник». Первый номер журнала вышел в марте 1848 г. и уже с самого начала «Морской сборник» не являлся узковедомственным изданием, каким был «Военный сборник». В этом периодическом издании помещались материалы по актуальным вопросам литературы, а также мемуарные свидетельства.

Журнал занимал видное место в жизни флота и отражал на своих страницах многие актуальные для того времени вопросы. Широко освещал он и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и это несмотря на то, что Черноморский флот только выходил из кризиса после Крымской войны. В отличие от «Военного сборника», ведущий печатный орган Морского министерства решал не только сугубо специальные вопросы, но и публиковал официальные сообщения о ходе войны на море. Основанный в середине XIX в. по инициативе передовых представителей прогрессивной мысли журнал оказал серьезное воздействие на формирование отношения русского общества к флоту²². Своей разнообразной тематикой «Морской сборник» привлек внимание не только флотских читателей, но и широких кругов общественности.

Отличительными особенностями «Морского сборника» также являлись простота и ясность изложения материала, понятного всем, даже далеким от флота людям. По мнению отечественного исследователя Е.И. Лагутиной, «это единственное в России периодическое издание такой направленности сосредоточило систематические сведения по всем аспектам своей ведущей тематики за длительный период»²³.

На страницах «Морского сборника» помещались описания боев и материалы о сборе средств для нуждающихся воинов. Авторы заметок старались разобраться в ситуации, в которой оказался русский флот непосредственно пред столкновением с турецкими военно-морскими силами. В исследовании, посвященном Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Н. И. Беляев высказывал мнение, что ценой государственного банкротства Турция создала на Черном море флот, способный вести наступательные действия²⁴. Серьезного противодействия русский Черноморский флот противопоставить туркам просто не мог, так как

по Парижскому трактату Россия лишалась права иметь военно-морские силы в черноморском регионе. В результате «Морской сборник» мог лишь констатировать: «В те времена, Россия господствовала над морем, ее флот служил опорой для операций армии, которая пользовалась Варной как базисом, для получения провизии и военных запасов. В настоящее время все переменялось. Водами владеет турецкий флот и его канонерки, вооруженные тяжелыми орудиями, господствуют на Дунае. Правда, их там не много и сила их не достаточно велика для быстрого хода против течения реки, но скорость для них не важный элемент потому, что и русские не могут сосредоточить войска на каком-либо данном пункте для переправы без того, чтобы турки не узнали об этом заранее»²⁵.

Действительно, Турция понимала, что Россия не в состоянии отправить свой флот в Черное море и, безусловно, считала, что на данном направлении она будет в более выигрышном положении, нежели ее противник. О том, какую роль отводила Османская империя своим военно-морским силам, свидетельствует следующая корреспонденция, помещенная в «Морском сборнике»: «...турецкий флот разделился на две части, одна отправилась в Черное море, а другая в Средиземное. В действительности, как видно из следующих известий, одна часть флота отправилась в восточный угол Черного моря, а другая к Дунаю. На днях султан осмотрел, в сопровождении многих министров, береговые укрепления Босфора и остался ими чрезвычайно доволен, затем он сел в парадный каик и поплыл к своим броненосцам. Офицеры и экипажи броненосных судов восторженно приветствовали Абдул-Гамида»²⁶.

По сути, «Морской сборник» был единственным периодическим изданием в России, которое серьезно относилось к турецкой армии и флоту. Печатный орган Морского министерства подчеркивал, что турецкие командиры прошли подготовку у «Владычицы морей» – Англии и просто сбрасывать со счетов армию Порты рано. В статье «Деятельность турецкого флота», например, отмечалось: «Не следует заключать из этого (о минах) о чрезвычайной трусости турок, напротив, но перед глазами у них был пример французского флота, осторожно плававшего в 1870 г. у балтийских берегов Германии и, как известно, ничего там не сделавшего из опасения мин, при том, для турок было весьма важно не рисковать своими судами, по их малочисленности... Так как береговые батареи были сбиты, то города, при которых они стояли, находились совершенно во власти турецких кораблей и если их пощадили, то за это благодарить следует сдержанность турок в ведении военных операций. Турки превосходно управлялись, командир Османье, Гассан бей учился морскому делу на нашей собственной эскадре Канала и в данном случае имел возможность и действительно прилагал к делу все свои познания в морской практике»²⁷.

Что же касается неудач турецкой флотилии на Дунае, то причины их, по мнению «Морского сборника», крылись отнюдь не в бездарности турецких адмиралов, а в их боязни пойти на сражение вопреки воли султана. Кроме того, принимался во внимание героизм русских моряков.

Складывается впечатление, что редакцию «Морского сборника» больше волновало отношение англичан к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., нежели описание самих боевых действий. Это не удивительно, так как в Крымскую войну Англия являлась главным организатором антирусской коалиции, и победа русских над Дунайской флотилией турок была, по сути, победой над Туманным Альбионом, а не над Константинополем. Например, сообщая о гибели турецкого броненосца, журнал морского ведомства ставил в известность своих читателей: «29 апреля генерал-майор Салов донес из Браилова, что сегодня, 29 апреля, в 3 часа пополудни, большой турецкий трехмачтовый броненосец взорван нашими выстрелами и пошел ко дну... Английские газеты, передавая известие о гибели Лутфи-Джелиль, стараются уменьшить военное значение события, распространяя даже, что взрыв произошел не от нашей бомбы, но просто от неосторожности самих турок»²⁸.

«Морской сборник» в ряде случаев продолжал линию основной массы отечественных периодических изданий, не забывая писать о всевозможной поддержке армии со стороны российского общества: «Представители администрации Евпаторийского уезда, выказали 2-го и 3-го ноября примерное усердие и распорядительность и с полным рвением исполняли все требования военного начальства... Со стороны частных лиц были высказаны чувства живого участия и доброжелательного расположения к войскам...»²⁹

Однако российскому обществу были интересны не только описания батальных сцен и подвигов. Еще Крымская война поставила очень много вопросов перед обществом, в частности, определение причин поражения. Наряду с понятными экономическими закономерностями наблюдались и чисто военные причины. Например, отставание русской армии в области вооружения. На все эти вопросы попытался ответить популярный журнал в России – «Оружейный сборник». Этот специальный журнал был посвящен вопросам теории стрелкового дела, описанию различных систем стрелкового оружия, принятого на вооружение в русской и иностранных армиях, нововведениям и изобретениям в данной области³⁰.

На страницах журнала «Оружейный сборник» как раз и была поставлена проблема не только перевооружения русской армии перед войной с Турцией, но и так называемая «оружейная перестраховка», когда войска России, получившие на тот момент современные «огнестрельные образцы», вынуждены были действовать точно так же, как и в период Крымской кампании. В начале

1878 г. в «Оружейном сборнике» было заявлено: «Нашим войскам до сих пор не разрешали производить случайную стрельбу с дальних дистанций. Напротив, внушалось солдату, что он должен беречь каждую пулю. Если принять во внимание, что войска наши почти всегда действовали наступательно, по неприятелю, засевшему в ложементгах, из которых он мог быть выбит только штыками или шрапнелью, то едва ли можно указать на такие случаи, где войска наши могли бы извлечь пользу из длинных прицелов»³¹.

На таких же позициях стояло другое военное издание – «Артиллерийский журнал». На его страницах также был поставлен вопрос относительно перевооружения, только не стрелкового, а артиллерийского. Один из артиллерийских офицеров с горечью заявлял: «Наша стрельба на этой позиции была менее удачна. Может быть, это припишут возбужденному состоянию прислуги. Нет, прислуга в этом первом деле показала себя достойным образом...»³² В данном случае опять виновата перестраховка Главного артиллерийского управления, которая отдала специальный приказ стрелять только наверняка, по близким целям.

Еще одну проблему, которую поднял на своих страницах «Оружейный сборник» и которая русскому обществу была интересна, – это вопрос о штыковой атаке. Действительно, рукопашная схватка всегда была выгодна русской армии, что можно с успехом проследить на примерах Северной, Семилетней и Отечественной 1812 г. войн. На момент начала войны с Османской империей в 1877 г. все новые русские нарезные ружья как положено комплектовались штатным штыком, но опять это было лишь на бумаге, так как ни один солдат пехотных частей, кроме гвардейских, это холодное оружие с собой не носил.

Военное министерство России так торопилось отделаться от суворовского правила «пуля – дура, штык – молодец», что солдатам во время рукопашных схваток, которые в войну 1877–1878 гг. были не редкостью, приходилось проявлять чудеса храбрости, лишь бы не попасть в плен или не обратиться в бегство. На страницах «Оружейного сборника» разгорелась настоящая дискуссия между сторонниками и противниками штыка, а обществу и армии приходилось лишь с молчаливым наблюдением, как опять предпринимают непроверенный эксперимент над вооруженными силами России. В специальном отчете лейтенанта Грина указывалось: «Самые слова “штыковая атака” дают представление о целой, правильной линии войск атакующего, причем, солдаты идут плечом к плечу, с взятыми “на штыки” ружьями, как это предписывалось еще недавними уставами и тактикой. Ничего подобного в последнюю кампанию не было, да и если только когда-либо и до того вообще было в действительности. Если же эти слова имеют целью выразить идею, что со введением современных типов ручного оружия, заряжаемого с казны, а также с использовани-

ем войсками стрелковых ровиков, случаи боя в рукопашную между атакующим и обороняющимися становятся невозможными, то это суждение никак не подтверждают события последней кампании»³³. «Оружейный сборник» вынужден был признать, что попытка Военного министерства России отказаться от холодного оружия чревата тяжелыми последствиями: «Стычки и сражения этой кампании, состояли в большинстве случаев из атаки и обороны, поспешно возведенных земляных укреплений, причем в сильной степени, практиковалось пользование стрелковыми ружьями и стрелковыми ровиками. Тем не менее, это нисколько не отстраняло случаев частого повторения рукопашного боя, а ими-то, бывало, и решалась участь всего сражения»³⁴.

Таким образом, отражение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. военными периодическими изданиями не сводилось лишь к описанию чисто военной стороны дела. Военные журналы и газеты достаточно быстро уловили, что русское общество не просто заинтересовано боевыми действиями на Дунае и Кавказе, а, по сути, живет ими. Именно в годы войны с Турцией серьезно увеличивается тираж подобных изданий.

Другой примечательной стороной русской военной прессы являлось то, что она не была изолирована от основной массы периодических изданий страны. В частности, корреспонденты, работавшие в «гражданских» журналах и газетах, достаточно плодотворно сотрудничали с изданиями военного толка.

Вместе с тем военная пресса имела серьезные отличия от «гражданских» газет и журналов. Это выражалось, прежде всего, в том, что вся без исключения военная периодика являлась сугубо ведомственной. Ведущие армейские издания («Военный сборник», «Разведчик», «Чтение для солдат», «Инженерный журнал», «Морской сборник» и т. д.) находились под контролем Военного и Морского министерств. Тем не менее армейская пресса не ограничилась описанием лишь батальных сцен и подвигов и старалась поддерживать свою «марку» перед общественным мнением. На страницах военных журналов и газет в 1877–1878 гг. появлялись публикации, в которых рассматривались различные аспекты армейской жизни, сравнивались русские и турецкие вооруженные силы.

Можно заключить, что со своей задачей военные периодические издания справились великолепно. Это заметно в том, что вся русская армейская периодика была в целом монолитна в своих оценках ситуации на фронтах, а те словесные «баталии», которые разгорались на страницах журналов и газет, были безобидны. И это в отличие от гражданской периодики, где постоянно разворачивалась полемика относительно решения Восточного вопроса. В результате российское общество в определенной степени оказалось обмануто публикациями военной

периодики, поскольку было уверено в том, что благодаря гению военного министра Д. А. Милютина русская армия должна была одерживать постоянные победы, что формировало завышенные общественные ожидания в отношении хода войны.

Примечания

- ¹ К истории газеты Русский инвалид // Военный сборник. 1871. № 3. С. 198.
- ² См.: Шубинский С. Забытый филантроп // Исторический вестник. 1896. № 3. С. 369.
- ³ Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.
- ⁴ Русский инвалид. 1873. № 9. С. 4.
- ⁵ Там же. 1877. № 99. С. 5.
- ⁶ Там же. 1873. № 10. С. 3.
- ⁷ Там же. 1875. № 137. С. 2.
- ⁸ Там же. 1877. № 100. С. 3.
- ⁹ См.: Иллюстрированная хроника войны. 1877. Т. 1, № 1–50 ; 1878. Т. 2, № 51–105.
- ¹⁰ См.: Обзор известий о русско-турецкой войне. 1877. № 1–3.
- ¹¹ См.: Летучий военный листок. 1877. № 1–72 ; 1878. № 73–77.
- ¹² См.: Левашева З. П., Сеницына К. В. Русская военная периодическая печать (1702–1916) : библиографический указатель. М., 1959. С. 44.
- ¹³ От редакции // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 1.
- ¹⁴ Прокламация жителям болгарского края // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 2.
- ¹⁵ Донесения генерал-майора Малахова командующему 11-м армейским корпусом о взятии деревни Златарицы // Летучий военный листок. 1878. № 4. С. 2.
- ¹⁶ Телеграммы Летучего листка // Летучий военный листок. 1877. № 11. С. 4.
- ¹⁷ Там же. № 12. С. 2.
- ¹⁸ Цит. по: Н. О. Л. «Русский инвалид» и «Военный сборник» // Русская старина. 1908. № 5. С. 285.
- ¹⁹ См.: Драгомиров М. И. О вероятных переменах в тактике, вследствие распространения дальнего и скорострельного оружия // Военный сборник. 1867. № 11–12.
- ²⁰ Первый шаг за границу в апреле 1877 года // Военный сборник. 1879. № 7. С. 40.
- ²¹ Данцевич С. А. Несколько дней на горе св. Николая // Военный сборник. 1878. № 7. С. 136.
- ²² Старейший журнал военных моряков // Коммунист вооруженных сил. 1968. № 5. С. 48.
- ²³ Лагутина Е. И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848–1905 гг.) // Советские архивы. 1981. № 2. С. 31.
- ²⁴ См.: Беляев В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 65.
- ²⁵ Военные известия с юга и из черноморских портов // Морской сборник. 1877. № 5. С. 21.
- ²⁶ Там же. С. 16–17.

- ²⁷ Деятельность турецкого флота (Морская хроника) // Морской сборник. 1878. № 3. С. 17–18.
- ²⁸ Военные действия с Дуная // Морской сборник. 1877. № 6. С. 9, 13.
- ²⁹ Действия Нижне-Дунайского отряда против турецкого флота у Силина // Морской сборник. 1878. № 1. С. 30.
- ³⁰ Левашева З. П., Синицына К. В. Указ. соч. С. 36.
- ³¹ Турецкие ружья во время войны 1877 г. // Оружейный сборник. 1878. № 2. С. 119.
- ³² Политковский Г. Я. Полевая артиллерия в войну 1877 г. // Артиллерийский журнал. 1878. № 9. С. 929.
- ³³ А. Х. Штык и сабля в минувшую русско-турецкую войну // Оружейный сборник. 1878. № 3. С. 2–3.
- ³⁴ Там же. С. 3.

УДК: 94(47).084.8

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА БУДАПЕШТ (11–27 ноября 1944 г.)

А. Г. Михайлик

Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Москва
E-mail: mikhaylik2015@inbox.ru

Замысел второго наступления 2-го Украинского фронта на венгерскую столицу в ноябре 1944 г. заключался в том, чтобы разбить будапештскую группировку противника ударом войск правого крыла с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом войск левого крыла с юга. За две недели наступательных боев советских войск противник понес тяжелые потери. Советские войска вышли на ближние подступы к Будапешту и взяли город в полукольцо, однако овладеть им снова не смогли.

Ключевые слова: 2-й Украинский фронт, Будапешт, наступление.

The Second Offensive of the Troops of the 2nd Ukrainian Front to Budapest (11–27 November, 1944)

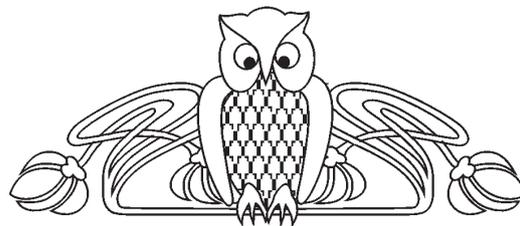
A. G. Mikhaylik

The idea of a second offensive of the 2nd Ukrainian Front to the Hungarian capital in November 1944 consisted in defeating the Budapest enemy force by the right wing troops attack from the north and north-east in cooperation with the left wing troops attack from the south. Within two weeks of the offensive the Soviet troops made the enemy suffer heavy losses, came to the immediate approaches to Budapest, and took the city in a semicircle, but could not capture it again.

Key words: 2nd Ukrainian front, Budapest, offensive.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-294-300

Освобождение Венгрии советскими войсками началось в конце сентября 1944 г., когда соединения 2-го Украинского фронта (УФ) овладели селом Баттонья, а вскоре – городом Мако. Эти действия послужили прологом к крупной наступательной операции, целью которой было во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом окружить и разгромить карпатско-трансильванскую группировку противника в составе 1-й и 2-й венгерской и 8-й немецкой армий. В ходе начавшегося 6 октября 1944 г. наступления войска 2-го УФ овладели городами Сегед, Клуж, Орадя, Дебрецен, Ньиредьхаза и, завершая окружение трансильванской группировки противника, вышли к переправам на р. Тисса в районе Токая. В этот критический момент немец-

кое командование сумело организовать контрудар, в результате которого два кавалерийских и танковый корпуса конно-механизированной группы генерала Плиева оказались в окружении, прорыв из которого сопровождался большими потерями. Крупная группировка противника сумела вырваться из оперативного «мешка» и занять новые рубежи обороны, что значительно осложнило задачу советских войск; вместе с тем в результате Дебреценской операции была освобождена треть территории и четверть населения Венгрии.

Сложившиеся к моменту окончания Дебреценской операции оперативная обстановка и соотношение сил и средств рассматривались советским командованием как благоприятные для начала нового наступления, целью которого явилось овладение венгерской столицей. Будапештское направление прикрывали венгерские войска, численность и вооружение, и, главное, – боевой дух которых были неудовлетворительными. Исходя из этого, ВГК И. В. Сталин 28 октября лично приказал командующему 2-м УФ маршалу Р. Я. Малиновскому немедленно перейти в наступление на будапештском направлении, хотя тот просил пять дней на подготовку. На следующий день части 46-й армии прорвали оборону 3-й венгерской армии, после чего в прорыв устремились 2-й, а вслед за ним 4-й гвардейские механизированные корпуса (гв. мк). К 4 ноября 1944 г. мехкорпуса 2-го УФ подошли к внешнему оборонительному обводу Будапешта, до которого оставалось 10–15 км, однако на следующий день перегруппировавшиеся немецкие войска нанесли фланговый контрудар, после чего 2-й и 4-й гв. мк начали отход в юго-восточном направлении. Причиной этого был не только и даже не столько контрудар противника, сколько новая директива Ставки, где излагался новый план наступления на Будапешт по двум направлениям с севера и юга: исходя из недавнего опыта, когда подвижные соединения 2-го УФ оказались в окружении, высшее советское командование решило не рисковать с глубокими прорывами и повести наступление широким фронтом.

К моменту начала второго наступления войск 2-го Украинского фронта на Будапешт